

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

ДЕТСКИЕ ШАЛОСТИ (КОММЕНТАРИЙ К ТЕМЕ Н. С. ЛЕСКОВ И СПИРИТУАЛИЗМ)

Комментарий — жанр опасный для здоровья комментатора. Это — своего рода, мания. Трудно избавиться от желания вернуться к давно откомментированному тексту, что-нибудь добавить или откорректировать. «Старый» текст преследует комментатора, как привидение. Настоящая заметка — в какой-то степени подтверждение вышеизложенному наблюдению.

Нам уже приходилось писать о замечательном святочном рассказе Н. С. Лескова «Привидение в Инженерном замке. (Из кадетских воспоминаний)»¹. В центре нашего внимания была идеологическая связь между заглавной темой рассказа (детские суеверия и исторический антураж), спиритической полемикой 1870-х годов (антиспиритическая комиссия Д. И. Менделеева и бурные споры о спиритизме в русских журналах конца 1870-х годов), аллегорическим учением немецкого мистика И.-Г. Юнга-Штиллинга (символический образ серого человека-совести, карающего для спасения) и историческими конфликтами современной Лескову эпохи (убийство императора Александра II «первомартовцами» и последующая реакция). Но захотелось вернуться к старому сюжету с новыми наблюдениями, наэототразкасающимися сюжетной генеалогии рассказа. Эти наблюдения, как представляется, позволяют лучше понять художественную стратегию одного из лучших русских рассказчиков историй о сверхъестественном: стремление провести читателя *между* рационализмом, начисто отвергающим существование сверхъестественного, и суеверием, грубо материализующим духовное содержание. Этот «третий путь», отличный от теории фантастического Цв. Тодорова (колебание читательского сознания между рационалистическим и сверхъестественным толкованиями изображаемых событий), был программным для Лескова. В принципе, такую стратегию можно назвать спиритуалистическим реализмом.

* * *

Лесков написал «Привидение в Инженерном замке. (Из кадетских воспоминаний)» для рождественского номера «Газеты А. Гагцука» 1881 года, но из-за цензурных препятствий рассказ опубликован в том году не был (*McLean*, 697). Впервые он вышел в свет под заглавием «Последнее привидение Инженерного замка» в «Новостях и Биржевой газете» за 5 и 6 ноября 1882 года (№№ 294–295) и в 1886 году был перепечатан в сборнике «Святочные рассказы Н. С. Лескова». По свидетельству сына писателя, в основе

¹ Илья Веницкий. «Нечто о привидениях. Истории о русской литературной мифологии XIX века». Москва, 1998. С. 172–202.

рассказа лежат воспоминания бывшего инженерного капитана Ивана Степановича Запорожского, слышанные Лесковым в июле 1881 года (ЖНЛ, 405). Рассказ в самом деле строится как воспоминание об «истинном происшествии», скрупулезно воссоздающее детали и колорит прошлого.

Место действия истории — зловещий Михайловский замок, готический «дом с привидениями». Здесь в 1801 году внезапно скончался его основатель император Павел I, которому некогда явилась в стенах этого дворца тень его прадеда Петра Великого и предсказала раннюю смерть. Предысторию рассказа составляют легенды о привидениях замка, так или иначе имеющие отношение к его основателю. Здесь обитает, по преданиям, дух самого Павла, который по ночам выходит из императорской спальни и осматривает свой любимый дворец. Здесь же, согласно местному поверью, бродит тень кадета, якобы засеченного до смерти за то, что он, проникнув в страшную спальню, вздумал шутки ради сыграть роль привидения императора. Есть в замке, разумеется, и подземелье, где, по слухам, живет страшный хозяин — дух Михайловского дворца.

Время действия рассказа — поздняя (очень мрачная) осень 1859 или 1860 года. Настоящие обитатели замка — дети, кадеты инженерного училища: «народ еще более молодой и совсем еще не освободившийся от детского суеверия, и притом резвый и шаловливый, любопытный и отважный» (VII, 111)¹. Этот «народ» в зависимости от отношения к привидениям замка как бы делится на две группы: «младшие» кадеты, робкие и верящие во всякую нежить, и «старшие», уже освоившиеся с местными ужасами, любящие пугать «малышей» и бравирующие собственным бесстрашием.

В центре повествования — история о *кошунственной шутке*, учиненной старшим кадетом у гроба ненавистного ему начальника училища и о последовавшей расплате («явление» *серого человека*). Как это нередко бывает в готических повестях и романах, все сверхъестественные явления по ходу действия истории объясняются самым естественным образом и в финале оказывается, что никакого привидения замка нет, а напугавший старших кадетов серый призрак — смертельно больная вдова покойного генерала, пришедшая попрощаться с мужем и невольно ставшая свидетельницей нехорошей сцены. Вдова (которую кадеты до того никогда не видели, но считали своим «добрым гением», хранившим их от «конечной лютости генерала») перекрестила шалуна и, «обвив своими скелетными руками плечи покойника», зарыдала (VII, 123).

Итак, суеверные страхи детей не оправдались, «мертвец» не отомстил, а кошунствовавший мальчик был прощен доброй женщиной. С этого дня детям «стало возмутительно слышать, если кто-нибудь радовался чьей бы то ни было смерти» (VII, 124). Финальная трогательная сцена окончательно решила и судьбу привидения Инженерного замка: оно исчезло навсегда.

---

¹ За исключением особо оговоренных случаев, цитаты из произведений и писем Лескова даются по: Лесков Н. С. Собр. соч. в одиннадцати томах (Москва: Гослитиздат, 1956–1958) с указанием тома и страницы. Курсив в цитатах наш. — *И. В.*

Мы уже писали о том, что история о привидении Инженерного замка, хронологически привязанная к эпохе 1850-х годов, тематически и идеологически вписывается Лесковым в современный контекст. «Привидения» не просто популярная тема «святочной» литературы того времени (Душечкина), но реальная проблема для эпохи. Знаменательно, что увлечение спиритизмом ассоциировалось у противников этого учения с *детскими фантазиями и проказами, способными завести чересчур далеко*. Так, московский митрополит Филарет еще в 50-е годы говорил о «стологании», что «все это — детская забава, шалость, ворожба — и только». «Но забава, — продолжал святитель, — опасна по сообщению <...> с духами лести; шалость грешная по прикосновению не чистой руки к человеку; ворожба богопротивная по нарушению учения церкви». Доказывая вредность всякого суеверия, Филарет приводил следующую аллерию: «Представим себе, что сын в доме отца, не имея свободу пользоваться всем, что ему нужно и многим, что приятно, не довольствуясь сим, и, встретив хранилище, от которого ему не дано ключа, поддельывает ключ и отпирает оное <...> *Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совестно сыну?*» (Сушков, *Приложения*: 65–66; курсив мой — И. В.). Лесков также связывал спиритизм с детской шалостью: «Стоит ли, наконец, умирать, <...> для того, чтобы первый досужий медиум, снова стянул вас «из обителей Отца», как стягивает шаловливый мальчишка старый лапоть с полатей, и начал бы вертеть вас перед всеми...» (с.265). Свою миссию Д. И. Менделеев видел в *спасении юных душ от опасного увлечения спиритическими (=мистическими) бреднями* (Аксаков: 4). В антиспиритическом дискурсе 1860–1880-х годов лица, увлеченные столоверчением, описываются, как неразумные дети, требующие поучения, надзора и наказания со стороны взрослых.

Эта риторическая модель актуальна для идеологического плана рассказа о привидении в Инженерном замке. Думается, что воспоминания капитана Запорожского, давшие фактическую основу рассказа, попали на уже подготовленную в художественном сознании Лескова почву. Так, писателю, была несомненно известна история о детской шалости в училище, приведенная в романе Августина Калмета «О явлениях духов» (1746), вышедшей в русском переводе с немецкого в 1867 году. (Лесков несколько раз ссылаясь на эту книгу в своих произведениях¹). В книге рассказывались и комментировались многочисленные истории о сверхъестественных явлениях, привидениях, оборотнях, вампирах и т. п. Свою задачу автор-бенедиктинец видел в разоблачении суеверий при сохранении веры в чудесное, необходимой для христианина. Об актуальности такого духовно-просветительского подхода для современной полемики со спиритизмом говорил в своем предисловии русский переводчик:

¹ В романе «На ножах» (1871) псевдо-спирит Висленев авторитетно ссылается на мистические случаи, упоминаемые Калметом. Для шуточного рассказа «Дух госпожи Жанлис» (1883) Лесков заимствует эпиграф из сочинения Калмета (по всей видимости, это мистификация писателя — по крайней мере, мы не сумели найти этого высказывания в русском переводе 1867 года).

Теперь явилось много приверженцев так называемого спиритизма или учения о сношениях с душами умерших и об откровениях, какие они сообщают. Сочинение Калмета представит не мало рассказов, сходных с рассказами спиритов. Мыслящий человек увидит, что шарлатанство умело и прежде пользоваться доверием неопытных людей для своих целей. Спириты нередко приводят в подтверждение своего учения средневековые рассказы о явлениях духов; не смотря на то, что выдают свое учение, как новость, как наставшее только последние годы откровение тайн загробного мира. Читатель увидит, что если истина бытия духов древня, то и заблуждения, которые примешались к этой истине, не новость спиритов, но повторение старых заблуждений. *Неверие и суеверие — это Сцилла и Харибда, которыми часто поглощается утлый член человеческой мысли, пустившийся в море исследований. Только тот, кто путеводной звездой для себя имеет маяк веры, безопасно может достигнуть пристани (Калмет, I, VIII).*

Интересно, что анонимный переводчик книги самовольно включил в нее несколько историй из собственного опыта. Одно из таких воспоминаний, как мы полагаем, и привлекло внимание Лескова. По словам рассказчика, в годы его учебы между высшими и низшими по классу учениками «было до невероятных размеров развито суеверие и предрассудки»:

Самое здание, в котором нас поместили, построенное иезуитами, которых мы считали едва ли не ближайшими сообщниками и друзьями нечистых сил, очень долго необитаемое, угрюмое снаружи и мрачное внутри, наводило на нас какой-то панический страх, по крайней мере на первых порах. Сильный ветер по ночам, свистевший сквозь разбитые окна, производил в корридорах сильный шум, который мы считали произведением нечистой силы, путешествовавшей по огромным корридорам. Об умиравших товарищах мы думали, что они по ночам являются в спальни и беспокоят нас.

Нечаянная смерть одного из его товарищей породила суеверные страхи. Мертвец три дня пролежал в покойницкой «с свежим, румяным лицом и почти с таким же лицом» был похоронен. Ночью ученики слышали тяжелые вздохи и стон, а потом «заметили в темноте облокотившегося на кровать мертвеца» (144). Молва о призраке быстро разнеслась по училищу, тем более что один из учеников, спавший у дверей, рассказал, что ночью кто-то вошел в спальню и хотел было стащить с него шубу. Мальчик, думая, что имеет дело с живым, «послал мертвеца к черту» и ударил его в грудь, «от чего последний застонал» (144). Учащиеся на своем собрании решили «воспрепятствовать мертвецам посещать их спальню». Для этого вызвавшиеся смельчаки решили до заутрени читать Евангелие и Жития святых. Между тем в глубокую полночь дверь распахнулась настежь и в спальню «вошла

высокая фигура, покрытая белым, как снег, саваном». Она «положила два пальца на лоб» лежащему в постели мальчику и держала их так около получаса. Ребенок от испуга опасно заболел и вскоре умер. Впоследствии выяснилось, что привидение было на самом деле шалуном из старшего класса. «Воспитанное в суеверии воображение, возбужденное каким-нибудь внешним впечатлением, — резюмировал рассказчик, — представляет такие явления, рисует такие предметы, которых в действительности никогда не было» (150).

Сходство этой истории с лесковским рассказом очевидно: описание училища, «готический» антураж старинного здания, смерть, ночное бдение мальчиков с чтением Священного писания, кощунственная шалость, мнимое привидение. Но не менее очевидно и принципиальное отличие — рассказ Лескова заканчивается оптимистически: следствием страшного урока оказывается чудесное нравственное преображение детей и еще более чудесное избавление Михайловского замка от мучительных исторических привидений.

* * *

Тема детской шалости-кощунства включалась Лесковым в общий историко-символический план рассказа. Напомним, что у истоков мифа Михайловского дворца — предание о тени первого российского императора Петра, явившегося предупредить правнука о близкой смерти. В версии предания, приведенной Н. Кобеко (на которого ссылается в своем рассказе Лесков), грядущая смерть Павла связывается с темой совести: «Бедный Павел!.. Бойся угрызений совести: для благородной души нет более чувствительного наказания!» (Кобеко, 169). Этой-то совести, нравственного начала, благородной души и не было в истории обитателей дворца. Были: с одной стороны — суровость и жестокость начальства, безучастливого к нуждам кадетов и несносно докучливого; с другой — нелюбовь к начальству кадетов, их опасные шалости, кощунства и суеверия. Здесь живые постоянно оказывались заложниками мертвых, парализующий страх перед «привидениями» порождал причудливые и дикие фантазии, безрассудное «самозванчество» (роль тени Павла, сыгранная одним кадетом), и, наконец, *бунт*. Таков бунт кадета К-на, бросившего в припадке безумия вызов ненавистному мертвецу, который, как показалось ошеломленным кадетам, встал, чтобы покарать преступника, — мотив, вероятно, отсылающий к «Медному всаднику» Пушкина, с которым Лесков, как кажется, ведет полемику в своем рассказе. У Пушкина бунтарь страшно наказан. У Лескова — прощен: вдова покойного генерала освобождает К-на от гробовой кисеи, в которой он запутался, и благословляет его. Этот эпизод не только высшая точка рассказа, но и настоящая кульминация и развязка истории замка, служащего своеобразным символом самой империи.

В современной автору политической истории России также столкнулись две силы: жесткая и холодная, *отцовская* власть и наивные, кощунс-

твующие и бунтующие «*дети*». Как известно, тема нигилистически настроенной молодежи, «*ничтожной кучки ошалелых мальчишек*» (Катков, 131)¹, является постоянной в дискуссиях о русских террористах, в том числе — о «первомайцах». Страх перед насилием порождает бунт, бунт порождает насилие, страх и призраки².

Святочный рассказ Лескова 1881 года — символическая попытка найти спиритуалистический выход из этого замкнутого круга: надежда на нравственное пробуждение детей, на явление серого человека-совести, карающего для спасения, и «тихую, как ангел», любовь, воскрешающую для жизни вечной, на святую память о чуде, объединяющую на всю жизнь его свидетелей. Знаменательно, что Лесков здесь перекликается с Достоевским (тема шалостей и заблуждений «русских мальчиков» в «Братьях Карамазовых»). В творчестве обоих авторов нравственное *спасение детских душ* предстает как надежда на преодоление трагического конфликта поколений и выход из современной исторической фантазмагии³.

---

¹ «Мальчишки эти наши дети, — писал М. Н. Катков, — и не только по плоти, но и по духу, и что бы мы не говорили, нам не отвертеться от правдивого урока. Мы вскормили эту среду, среди нас она возросла, мы ее поддержали нашею дешевою насмешкой, легкомысленным, детским отношением ко всем основам общественной жизни; мы сами в ослеплении помогли расшатывать один за другим все нравственные и исторические устои общезжития <...> гаерствовали заодно с мальчишками» (Катков, 131).

² Убийство царя в прямом смысле слова вызвало к жизни «исторические» привидения, немедленно растиражированные спиритуалистическими журналами. Так, в далекой Америке один из медиумов опубликовал открывшееся ему в бытность в Петербурге «апокалиптическое и ретроспективное» видение убийства Павла I в стенах Михайловского замка (последнего, оказывается, не задушили, а зарезали, по наущению его жены... Екатерины Великой!). Другая американская визионерка сообщила о видении ей тени казненной нигилистки Софьи Перовской, заявившей, что она убила царя «в согласии с невидимыми силами высших разумных существ, которые осуществляют великие изменения на земле, чтобы доказать, что пробил час человека» (оба случая «исторического медиумизма» были осуждены как антиисторические и аморальные... теософкой Е. П. Блаватской).

³ Стремление быстрее забыть о случившейся трагедии, избавиться от давящего прошлого, как бы заново начать русскую историю, характерно для некоторых современников писателя. Так, «Отечественные записки» завершали свое сообщение о событии 1 марта словами: «Искреннее желание каждого благомыслящего русского, чтоб с наступлением нового царствования начался и новый период русской жизни, и чтоб все эти ужасающие деяния отошли в область предания» (№ 3, март, 1881, С. 16).